

СТИХИ

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Стихи К 23-летию со дня гибели русского поэта Вадима Ивановича Зубарева (1933-1996)

● Из сборника «Барханы» (Москва, 1959):

■ Врождённое

В глуши лесной, средь Муромских пустыней...

А.С.Пушкин.

Как сквозь сон:

касимовские сани,

первопутком двинутые в стынь,—

там,

пониже города Рязани

и повыше

«муромских пустынь»...

Там

Елатьма —

есть село такое,

где веками души ела тьма...

Поднялся мой пращур над Окою:

— Аж темно,—

сплошная ель!

Эхма!..

Поплевал в ладони

да с размаху

крепко

в гулкий ствол

всадил топор...

Не носил он шапки Мономаха —

вот и не примечен до сих пор.

О его работе молодецкой
не расскажет дошлый старожил:
хоть простого званья
был он, дескать,
а ведь кто
Елатьму заложил?!

Пусть безвестных,
вспомню всё равно я
вас,
кому я — кровная родня —
тем обязан,
что своё, родное
началось Елатьмой для меня.

Но земля родная
только ль это —
дым черёмух, что зимы белей,
в русской бане вымытое лето
трав,
хлебов,
картофельных полей,
осень перелесков поределых?

К ним
не так
моя любовь
мала,
чтобы уместиться ей
в пределах
одного рязанского села...

■ Азия

Не охоч
блуждать по белу свету,
я не гость,
а здешний старожил:

мой родитель
честно в землю эту
душу россиянина вложил.

И внушал себе,
вздыхнув украдкой:
«Тоже не чужая сторона...»
Помню, как таинственно и кратко
величалась
Азией она.

Под Рязанью,
в лапотной деревне, говорили разное
о ней:
мол, едят без ложек
на ковре в ней
и не держат
для зимы саней...

Оказалась Азия
такою,
что хватало всем
её тепла;
и звалась иначе –
не Окою,
и в иную даль
река текла.

Было неуютно,
было дико
поначалу
в мазанке степной.
И назад тянуло...
Да поди-ка,
вымерь путь,
который за спиной!

Порешил родитель мой

остаться
на Аму-реке.
И самому
мне родней пора бы посчитаться
с древней азиаткою Аму.

И, признав
особенно своими
синие мещёрские леса,
поступиться
сенью их –
во имя
той земли,
чьим сыном
родился.

■ Тихая пристань

До ближайшей железнодорожной
станции, –
считают осторожно, –
километров сорок – пятьдесят...
Спит Ока
в спокойствии глубоком.
Вот и пристань;
издали басят
пароходы, подходя к ней боком.
И тогда
торговки впопыхах
потчуют приезжих пирогами,
масло свежесбитое кругами
подают на влажных лопухах.

В избах – настесь окна.
Вроде сетки
под забором –
тень листвы сквозной.
Радио проснулось.

И соседки
чистят самовары бузиной.
Гуси лугом шествуют картинно.
Козы вдоль по улице пылят.
Бабка в душегрейке
хвостотиной
гонит из малинника цыплят.

Голубь с колокольни
снежным комом
падает...
А перед исполкомом
легковик дежурит день-деньской.
Выглядит не слишком ли знакомым,
но – откуда взялся он
такой,
старый городишко над Окой?..

* * *

● Из сборника «Караван» (Ашхабад, 1961):

■ Родное село

Всё некогда
в нём объявиться...
А только представить себе,
как тихо
поёт половица
в завещанной дедом избе, –

И вот оно:
взвоз над рекою
и гуси кричат у воды;
босых сорванцов беспокойя,
антоновкой пахнут сады.

Но я признаюсь виновато,
что церковь за нашим плетнём

мне росписью стен жутковатой
особенно памятна
в нём.

Сей храмину быть
кораблю-де
подобной –
в боярском дому
работные русские люди
судили три века тому...

А сколько лаптишек стоптали,
покуда её возвели,
чтоб медью
петровских баталий
рвалась
к небесам
от земли!

Бывало здесь
тесно и смрадно
от бурых овчин и рубах.
Крестились.
Венчались.
Посмертно
лежали здесь
в грубых гробах.

...Давно
перестали молиться,
и нету крестов золотых...
Крестьянские тёмные лица
мне видятся
в ликах святых:

тоска,
безответность,
усталость

немая –
о чём не спроси...
В народе
таких не осталось –
иначе живут
на Руси.

Село поколенья иного,
роднее,
чем прежде, оно;
хоть родина –
это не ново,
а будто бы вновь
рождено!

И просто,
и трудно до пота,
и солоно
слово «судьба»,
понятное мне
как «работа»,
как – с детства –
«косьба»,
«молотьба»...

В любую страду и годину
своя, для меня ты слилась
со словом «судьба»
воедино,
рабоче-крестьянская власть!

■ Ока

Мокрый ветер
по снегам – неровным
и полозьями изборождённым.
Думы, думы
о земном и кровном, о себе,

в лесной избе рождённом.

О тебе, Ока,
о том, откуда «есть пришла»
Рязанская украйна,
без которой –
ни добра, ни худа,
без которой жизнь моя случайна.

Пращур мой
не княжеской породы:
пахарь – сам,
и знахарь – сам,
и бахарь...
Вот он весь,
мужик русобородый:
лапти
да холщовая рубаха.

Пришлый,
ног не чуя под собою,
не срубив хором
для новоселья,
сел он –
поразмыслить над судьбою,
над тобой, неведомой доселе.

Окунёшь ведёрко ненароком –
Окуней твоих
бери рукою...
Он тебя окинул
светлым оком,
окая нарёк
рекой Окою.

Чай, и мы
не праздно дружбу водим,
если я

в неведение счастливом:
полон
русской речи поводомъем
или взят в полон
речным разливом?..

■ Памяти дедов

В родной земле
почили деда –
моих родителей отцы;
а внуки с правнуками едут
далёко, в разные концы.

И сколько внове возмужалой,
неузнаваемой родни!..

У нас не стали бы, пожалуй
отчёта требовать они,
жалеть,
когда б их воскресили,
что позабылись имена
и две семьи по всей России
рассеяны,
как семена...

* * *

● Из сборника «Живая связь» (Ашхабад, 1965):

■ Лето

Не слышно гроз,
дожди всё реже –
и вот
надолго дан отбой.
Я что ни день, то чаще грежу
Окой, берёзами, тобой.

Мне в пекле города, где липкий

асфальт подошвами промят,
недостаёт
одной улыбки,
леса Мещёры не шумят...

Скажи, немногого хочу ведь? –
С моей Мещёрою родство
как дуновение почуять,
как близость шага твоего,
когда сулят издалека мне
не твой,
а неизвестно чей
неостывающие камни
среди удушливых ночей.

* * *

● Из сборника «В смене лет» (М., 1975):

■ Иду и думаю

Смотрит Ока свои
Береговые сны.
Замерли соловьи
таловой стороны.

Темень и костерок –
Мне это не впервой,
Сам я коней стерёг,
пах луговой травой.

Через пятнадцать лет
В ней обновляю след:
Просто иду на свет –
через пятнадцать лет.

Думаю, с кем дружил
И почему дружил.
Может, не мудро жил,

Многим не дорожил...

Как человек земной,
был безоглядным я.
Тихо идёт за мной
Ранняя жизнь моя.

По лугу вдоль Оки –
Тоже на свет в ночном?..
Волглые тальники
Спят соловьиным сном.

***

Неистёкшего и негасимого
столько снова
от сена косимого,
от гусяного мне косяка –
то есть родина, то есть Ока
выше Мурома, ниже Касимова.

***

То город переходит в город,
то горы переходят в горы,
а то, с горами не сравнимы –
гораздо более ранимы,
гораздо более ревнивы, –
равнины переходят в нивы...

***

Чьи
берегом откосным
бегут березы к соснам –
и разве же друг к другу,
как дару не дивятся?
Когда ручьи ветвятся,
то можно ли ручаться,

что ветви не ручьятся...

***

То холод пристани рассветной
и пароходное тепло,
то слету отклик безответный
души мелькающей бело.

Погода перисто-простая,—
Под облаками над трестой
теки, теряя перья, стая,
перерастая
древостой.

***

Течение видно с парохода,
И берега недалеки.
А есть глубинная природа,
И даль и невидаль Оки.
Сыта вода. Небоязлива.
Себя несет вода легко.
От ледохода и разлива
До ледостава далеко.

Вадим ЗУБАРЕВ (Туркменистан) Goşgular